

— Неправильно, — согласился Чунмин. Возможно, из-за череды ударов, он почти ничего не чувствовал и даже улыбнулся. — Но что поделать, подвеска уже продана. Да и у нас нет точных доказательств, что это именно он продал. Может, она и не продавалась, а подвеска старшего брата — не та, что была у меня. И, если подумать, в мире все происходит по какой-то причине. То, что ты отнял у других, обязательно вернется к тебе в другом месте.

Хуа Мао потер лоб:

— Ладно, я не могу спорить с буддистами. На моем месте я бы точно не оставил его в покое!

Чунмин вздохнул. Он понимал, что если бы он захотел, Хуа Мао и старший брат помогли бы ему отомстить. Но, во-первых, он не хотел их беспокоить, а во-вторых, он не считал, что в этом есть что-то, за что стоит злиться. У него не было особых чувств к отцу Сяофан. Обманывал ли он его, презирал ли — это было как камень, брошенный в глубокое море, не вызывая ни малейшей ряби. Кто станет испытывать лишние эмоции к незнакомцу?

Однако, судя по выражениям лиц Хуа Мао и Цзин Хая, его точка зрения казалась им странной.

«Но ведь бабушка и учитель говорили именно так: все происходит по воле судьбы, не стоит слишком переживать».

Он немного запутался.

Но старший брат, похоже, понимал его мысли и ничего не сказал, лишь протянул настоящую подвеску:

— Если она твоя, верну ее владельцу.

Чунмин поспешно отклонил:

— Нет, нет, ты заплатил за нее, значит, она твоя. Да и не ты покупал, а твой дед. Это его подарок тебе, ты не можешь просто так отдать ее.

Вэй Шуфан нахмурился, впервые выразив замешательство.

Хуа Мао, поглаживая подбородок, посмотрел то на Чунмина, то на Вэй Шуфана и вдруг засмеялся:

— Похоже, босс и Чунмин связаны судьбой, как будто их свела красная нить. Вот почему у тебя и Лю Шуфан ничего не вышло — настоящий символ любви уже сменил владельца. Давай так, босс, ты тоже подаришь что-то Чунмину, обменяетесь, и не будет неловкости.

«Что за чепуха?»

Чунмин уже собирался возразить, но в голове всплыл тот поцелуй, и он замолчал.

Слова Хуа Мао задели Вэй Шуфана, и он спокойно вернул подвеску себе, сказав Чунмину:

— Ты прав, это подарок моего деда, и я не могу пренебречь его чувствами. Давай обменяемся. Подвеску я не могу тебе отдать, но я подарю тебе что-то другое, хорошо?

Чунмин и не собирался забирать подвеску, ведь ее купил дед старшего брата за такие большие деньги. Он поспешно ответил:

— Нет, нет, это твоя вещь. — Он даже почувствовал облегчение. 10 000 000! Это же целое состояние! Даже если бы он получил ее, он бы не смог с ней справиться.

Вэй Шуфан больше ничего не сказал, но по его выражению было видно, что он решил для себя.

Чунмин хотел еще раз отказаться, но, так как старший брат молчал, он тоже не стал продолжать.

Хуа Мао посмотрел на них, толкнул Цзин Хая локтем и с торжеством поднял бровь. Видал? Я же говорил!

Цзин Хай сдался: ладно, ладно, ты прав. Затем он сказал:

— Давайте сначала поедим, еда остывает.

Это напомнило всем о еде, и они вернулись к трапезе.

За столом Хуа Мао рассказал о своих последних делах:

— С Кэ Няньнянь все просто. Я сразу нашел Чжана Эра, сказал, что видел, как служанка издевается над его дочерью. В конце концов, никто не может доказать, что я не видел, верно? Сначала Чжан Эр не поверил, но мне было все равно. Я просто взял Кэ Няньнянь и отвез ее в больницу на осмотр. И оказалось, что все, как говорил Ци Хао: следы от щипков и даже уколов иглой. Доказательства налицо, и Чжан Эр поверил.

Его голос стал гневным:

— Как эта старая ведьма могла так поступить? Ребенку всего четыре года, а она так жестока! Когда ее разоблачили, она еще пыталась свалить вину на Кэ Маньцин. Выглядит такой смиренной, а сердце чернее сажи!

— И что дальше? — Чунмин отхлебнул рыбный суп. Суп был густым, но не жирным, и ему очень понравилось. Руководствуясь принципом, что хорошее нужно делиться, он налил тарелку и старшему брату.

— Чжан Эр тут же разозлился и дал Кэ Маньцин пощечину. И правильно! Свою дочь мучают, а она, как мать, ничего не знает. Это же абсурд! К тому же у Кэ Няньнянь аутизм, за ней нужно особо ухаживать, а теперь она стала еще более больной.

Чунмин, с набитым ртом, только кивнул в знак согласия.

Хуа Мао продолжил:

— Хотя я поступил немного импульсивно, забыл сначала собрать доказательства. Но я не мог позволить ребенку снова страдать. В конце концов, я здесь, и эта женщина никуда не денется. Даже если закон не признает, мы найдем способ с ней разобраться.

— Ну и как ты поступил? — спросил Цзин Хай.

Хуа Мао, пока Цзин Хай говорил, быстро положил себе в рот несколько кусочков сладко-кислой рыбы и, с набитым ртом, ответил:

— Это не я, а Чжан Эр. Просто служанка, он сам с ней разобрался. Он куда жестче меня. Он отправил няню Ван в полицию, не стал даже обвинять, сначала заставил ее испытать все, что

она сделала Кэ Няньнянь. Сейчас она сидит в камере, и, думаю, ей будет несладко. Но это не все. Чжан Эр еще решил наказать ее семью, заставил их вернуть все, что они заработали у него.

Чунмин не согласился:

— Она сама виновата, при чем тут ее семья?

Хуа Мао пожал плечами:

— Ничего не поделаешь, Чжан Эр мстит, я не могу его остановить.

— Если она, совершая это, не думала о своей семье, то нечего жалеть ее родных. Разве она не знала, кто такой Чжан Эр? — Цзин Хай неожиданно поддержал Хуа Мао.

Чунмин задумался, затем спросил:

— Почему она издевалась над Няньнянь?

— Хороший вопрос, — Хуа Мао вытер рот. — Я как раз хотел сказать. Это все Кэ Маньцин. Кто бы мог подумать, что она возомнила себя наложницей из феодального общества? Она обращалась с прислугой как с рабами, и те, естественно, начали злиться. Не смея выместить злость на нее, они взялись за Кэ Няньнянь.

Чунмин не мог понять поступков няни Ван. Если тебя обижают, ты начинаешь обижать других, особенно тех, кто слабее тебя? Какая логика?

Особенно нападать на беззащитного ребенка — это просто подло.

Цзин Хай тоже покачал головой:

— Как бы то ни было, издеваться над ребенком — это слишком низко.

Хуа Мао добавил:

— Кэ Маньцин тогда сама была в шоке. Хотя она и глуповата, но Кэ Няньнянь — ее родная дочь. В больнице она чуть не избил няню Ван, чуть не началась драка. Но Чжан Эр просто забрал Кэ Няньнянь.

— Куда он ее увез? — обеспокоился Чунмин. — Он будет хорошо с ней обращаться? — Хотя он не видел Чжана Эра, но, судя по описанию Хуа Мао, тот казался ненадежным.

— Он признал Няньнянь своей дочерью и отдал ее своей жене. Не переживай, жена Чжана Эра — умная женщина, она не станет обижать Няньнянь. На самом деле, ей с ней будет лучше, чем с Кэ Маньцин.

Чунмин не знал, что сказать. Хотя он считал, что в богатых семьях все странно, он доверял суждениям Цзин Хая и Хуа Мао. Если они считают, что это лучше, значит, так и есть.

— Теперь о Ци Чэне и Хо Яне, — Хуа Мао сменил тему. — Я попросил людей подробно изучить их. Хо Янь действительно хорошо скрывается, не удалось найти ни одного доказательства. К тому же они большую часть года проводят за границей, что усложняет задачу. Если бы не то, что Ци Хао четко услышал имя Хо Яня и описал его внешность, я бы усомнился, что это тот самый человек. — Он нахмурился. — Но выход есть. Я узнал, что через несколько дней Ци Чэн

вернется в страну и проведет лекцию в Университете G. Это хороший шанс, чтобы все обдумать.

Университет G? Это же университет, где учится Сяофан, — Чунмин задумался.

<http://bllate.org/book/16737/1539971>